

С. Н. Жеребцов

Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, Минск

S. N. Zhrebtsov

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 159.95

ЕДИНСТВО ПОЭТИКИ И ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

UNITY OF THE POETICS AND PRACTICE OF DEVELOPMENT OF THE PERSON IN CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY

Обосновывается необходимость обеспечения единства поэтики и практики в сопровождении развития личности, в ее саморазвитии. Делается такое обоснование на основе культурно-исторического подхода Л. С. Выготского. Показано, что использование культурных средств (прежде всего научных понятий) позволяет человеку превратиться из раба ситуации в субъекта жизни. Именно в этом качестве он имеет возможность быть одновременно поэтичным (вдохновенным, неотчужденным, необыденным, романтическим) и практичным (организованным, волевым и успешным в обыденной деятельности). Такое единство поэтики и практики обеспечивается мифом, характеристики которого содержит и научное понятие.

Ключевые слова: поэтика; практика; культурно-историческая психология; развитие личности; научное понятие; миф; смысл; свобода.

The necessity of ensuring the unity of poetics and practice is accompanied by the development of the personality, in its self-development. Such substantiation is made on the basis of the cultural-historical approach of L.S. Vygotsky. It is shown that the use of cultural means (primarily scientific concepts) allows a person to turn from a slave of the situation into a subject of life. It is in this capacity that he has the opportunity to be simultaneously poetic (inspired, inalienable, unconventional, romantic) and practical (to be organized, strong-willed and successful in everyday activities). Such a unity of poetry and practice is provided by a myth, the characteristics of which contain a scientific concept.

Key words: poetics; practice; cultural and historical psychology; personal development; scientific concept; myth; meaning; freedom.

Содействие личностному развитию – дело крайне сложное и внутренне противоречивое, как и само личностное развитие, поэтому идейное разнообразие в педагогике и психологии вполне объяснимо. В данной статье осуществляется попытка акцентировать такие важные характеристики этих процессов, как поэтика и практика, а также их единство, что в психолого-педагогических текстах практически не подвергалось анализу. Причем основанием для нашей концептуализации идеи о необходимости единства поэтики и практики в содействии развитию личности послужила теория Л. С. Выготского. Важность этого единства обусловлена тем, что развитие,

несмотря на свой драматизм, может и должно осуществляться с усилием, но без насилия, оно возможно только как саморазвитие.

Каждый большой ученый – большой мечтатель. Л. С. Выготский тоже мечтал. В своих трудах он создал такой образ человека, который воплощает данную мечту. Это – человек развивающийся и в развитии становящийся свободным. В своих заметках он пишет: «Грандиозная картина развития личности: путь к свободе» [1, с. 22]. Причем именно психологии, по мысли Л. С. Выготского, принадлежит особая роль в развитии человека как свободного существа. В последних строках работы «Исторический смысл психологического кризиса» отмечается: ««Прыжок из царства необходимости в царство свободы» неизбежно поставит на очередь вопрос об овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе. (...) В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке» [2, с. 435].

Новый человек – это человек свободный, знающий себя и на основе знания владеющий собой. Верное понимание генезиса личности, ее сознания и роли образования в этом процессе имеет колоссальное значение не только для создания развивающей среды, но и такого педагогического взаимодействия, которое оказалось бы саногенным для личности.

Идея нового человека сама по себе поэтична, в известном смысле утопична и ненова. Но именно в работах Выготского показана линия практической реализации этой идеи, причем на научной основе. Стоит заметить, что критика Выготским современной ему психологии сводилась как раз к тому, что она слаба в философском (теоретическом) смысле и несостоятельна в практическом отношении. А это единство философии и практики Выготский считал тем камнем, который презрели строители психологической науки.

Традиция видеть в опыте человека праксиз и поэзис восходит к Аристотелю. Для него праксиз – это практическая деятельность, поэзис – теоретическая, творческая деятельность. Казалось бы – это совершенно разные уровни бытия человека. И мы знаем много людей с так называемым практическим интеллектом, при этом малообразованных, так же как и оторванных от решения бытовых вопросов, рассеянных теоретиков. Однако подлинное совершенство деятельности и полнота бытия человека раскрываются в том случае, если он видит поэзию в практике и практичен в самых возвышенных устремлениях (ни у кого не вызывает недоумения традиция словоупотребления «духовные практики»).

Напомню широко известную мысль К. Левина о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. У Выготского встречаем пояснение: «...Практическая деятельность человека превращается в двояко опосредованную деятельность, с одной стороны, она опосредована орудиями в буквальном смысле слова, с другой – опосредована орудиями в переносном смысле слова, орудиями мышления, средствами, с помощью которых совершается интеллектуальная операция, она опосредована с помощью слов»

[3, с. 161]. Весь корпус идей культурно-исторической психологии (при их правильном «прочтении») имеет самое непосредственное практическое значение. Сейчас появился ряд работ о том, что эта практичность реализуется не только в педагогике, в дефектологии, что очевидно, но и в психотерапии. В целом труды Выготского посвящены тому, как человек может быть человеком, как он может реализовать полноту своих возможностей. В частности, идея о том, что сущность личности есть развитие, а если человек развивается (в каждой жизненной ситуации с помощью культурных средств вырабатывает в себе новообразование, по своей воле определяет внутреннюю позицию к происходящему), то он свободен. Историзм человека – в его развитии и свободе. Историзм – это всегда развитие жизни не просто как череды событий, а как реализации замысла, как драматическая борьба за ключевые смыслы, т. е. историзм – это развитие в идейном, смысловом и художественном смысле. Историзм – это рассказ, повествование с требованием воодушевления, радости, напряжения и борьбы. Историзм – это драма, как и само развитие. Такой была и жизнь самого Выготского. Она имеет огромное художественное содержание и цельность художественной формы (от романтической очарованности Гамлетом в юности до предсмертных слов «Я готов», которые, и это не случайно, также принадлежат Гамлету).

Практичность хорошей теории (как и теоретического мышления) заключена в том, что она открывает возможности, будущее перед человеком (отсюда и пробуждение его надежд, и вдохновение, и жизненная энергия). Теоретически мыслящий человек способен видеть не только то, что дано в воспринимаемой ситуации, но видит эту ситуацию в развитии, поэтому овладевает ею. Да и внутренний мир в этой связи становится динамичным, масштабным, противоречивым. Человек ставится в ситуацию творчества, он может играть теми данными, которые у него есть, чтобы приблизить и сделать явью то, чего у него нет. Причем важно, что это игра не столько во внешнем плане, сколько во внутреннем. У него формируется способность к игровому переживанию [4–7]. Такой человек расширяет «пространства внутреннего избыток», как сказал бы О. Мандельштам, или зону ближайшего развития (по Л. С. Выготскому). Он может жить разнообразными превращающимися мирами, и, следовательно, сам становится превращающимся существом [8]. Внутренний мир, развивающийся в рефлексивном переживании, – это потенциал свободы.

По сути единство поэтики и практики создает ситуацию, когда человек нечто воображаемое делает художественным, концептуализирует его, а потом превращает в действительное. Само воображение – это такой феномен мышления, который поэтичен (вдохновение) и практичен (изменение реальной ситуации) одновременно. И горькая ирония состоит в том, что воображение, являясь самой могущественной силой изменения жизни, воспринимается многими людьми (к сожалению, и педагогами) как что-то несерьезное, неважное («мало ли что ученик может навоображать»). Мно-

гими не осознается тот факт, что ключевой способ установить контакт с любой реальностью – вообразить ее.

Представляется, что педагогика, психология и другие практики майевтики могут быть эффективными, если поддерживают жизненное вдохновение, которое, с одной стороны, определяет развитие мышления, с другой – им определяется. Вдохновляется человек тем, что шире наличной ситуации. Вдохновляется человек чем-то необычным. Во всем мире растет число людей с депрессией (особенно этот тренд наблюдается в развитых странах). Это тот феномен, который Э. Фромм назвал отчаянием, несмотря на успех.

Личность – там, где есть личное, где есть внутренний мир как данность человека самому себе в его мышлении, в его способности обобщать (осмысливать) и на этой основе понимать. Личное есть там, где есть процесс самопредставления человека, т. е. где есть осмысленность и переживание. Личное есть там, где есть вдохновляющий смысл, который мотивирует мышление и деятельность по саморазвитию.

Идея единства праксиза и поэзиса в развитии человека становится более очевидной при обращении к понятию «миф».

Миф связывает человека с универсалиями, находящимися за пределами индивидуального опыта. Миф выступает интегратором разноуровневых образований, динамизм которых способен возвысить человека до величайших смыслов, когда его идентичность оказывается интегрированной на более высоком уровне, т. е. миф – не только «ложь во спасение», но и вдохновляющая сила, ведущая к расширению сознания, открытиям и развитию способности переживать. При этом благодаря мифу натуральный модус человека как живого не угнетается, но превращается в реалии более сложной организации, открытой всему миру и, – в пределе – вечному и бесконечному. Переживание само благодаря мифу обретает некую стройность, логику и каузальность. Но эта каузальность особенная – мифическая. В переживании (как и в мифе) имеет место оборотничество (превращение) объектов (персонажей) переживания. Превратиться в работе переживания может все (например, образ брачного партнера [9], когда, например, принц превращается за счет неких схематизмов отношений и автоматизмов переживания в животное; или образ самого себя [10]). Также имеет место превращение внутреннего и внешнего, особо акцентированное в мифе и во всей культурно-исторической психологии. Так, будучи указателями на универсалии, мифы позволяют человеку делать предметом его заботы многое, находящееся в мире, и в целом весь мир. Кроме того, с позиций предметов своей заботы человек переживает не только мир внешний, но и мир внутренний.

Именно единство поэтики и практики обеспечивает развитие человека, превращение его внутреннего мира, динамику смысловых систем.

Действие мифа по отношению к субъектности человека противоречиво: являясь средством переживания, миф артикулирует субъектность, так как

создается позиция «извне»; но, являясь схематизмом, миф может овладеть человеком, подчинить его себе. Мы имеем дело с ограничивающим взаимодействием человека и мифа.

Конечно, мифическое переживание противопоставляется сознанию, субъектности, свободе личности. Парадокс, однако, заключается в том, что субъектность становится отчуждающей, если она совершенно порывает связь с мифом (с корнями, с непосредственными родственными отношениями, с мечтой о райской жизни). Вне мифа человек не способен подняться над обыденностью и мирской суетой. Это охлаждающее влияние рационализма, выхолащивающее жизненность из бытия человека, это «расколдовывание мира» мы наблюдаем во времена Просвещения и следующие за ним эпохи – с нарастающей силой. Само познание, логическое мышление, направленное на понимание ситуации человека, приводит не только к критике «темного» мифического пласта, но и к признанию его жизненной необходимости, поскольку без мифа невозможны такие феномены бытия, как мечта, вера, чудо, смысл, тревога, забота, любовь. Без мифа у людей атрофируется субъективность, они уподобляются теням, с которыми в Аиде повстречался Одиссей, и которые просили его описать, как человеку живется на земле, хотя сами эти тени лишены переживаний и понять Одиссея не в состоянии. Миф есть укорененность в бытии и сама конкретность жизни, что неслучайно многократно и в разных адресациях и корреляциях повторяется А. Ф. Лосевым, что присутствует в родственных понятиях «смысл», «значение», «переживание» Л. С. Выготского.

Как это ни странно на первый взгляд, но именно теоретическая, научная деятельность – это не только то, что вдохновляется поэтическим чувством, но и к нему же способно привести, усилить чувство заинтересованности и вовлеченности в жизнь. И любая наука, как это было показано постнеклассикой, не может порвать с мифом. Но важно понимать, что мифология человека образованного, обрабатывающего жизненный поток научными понятиями, будет принципиально отличаться от мифологии человека, основанной на житейских понятиях.

Когда человек взрослеет, по мере усложнения его социальной жизни убеждения становятся болезнетворными предубеждениями в пространстве сознания, организованного житейскими понятиями. Именно научные понятия – средства ориентировки в сложном мире. Они более адекватны сложности, противоречивости, изменчивости мира. Научные понятия, образующие основу субъектности человека, позволяют говорить о нем как единстве разнообразия, соответствующем разнообразию мира. Смысловые системы сознания, построенные на научных понятиях, не избавляют, конечно, от депрессии, психосоматической симптоматики. Но характер этих симптомов, их роль в личностной динамике будет совершенно иной, если сознание человека научно, основано на диалектической логике. Сам симптом в пространстве творческого человека, рефлексизирующего себя и свою жизнь на

научной основе, становится знаком для личности, а не ее порабителем. Этот симптом всегда сопряжен с диспозициями и образует вместе с ними некий комплекс личности. Симптом – следствие не вполне адекватной диспозиции личности, симптом как диспозиция – это функция опыта человека, его деятельности в мире. Культурно и научно вооруженная личность имеет больше возможностей для осознания как деструктивной, так и конструктивной функции симптома.

В фильме А. Куросавы «Расемон» показано, какие разные взгляды у четырех людей на одну и ту же ситуацию. Но ведь есть и позиция режиссера фильма, который это все осознает и демонстрирует. Личность – это «сам себе режиссер». В конце концов переживаемое противоречие в смысловых позициях – не только побуждение к развитию осознанности, но и основа эстетического переживания по Л. С. Выготскому. Эстетическое переживание действует не только катарсически, но и возвышающе, оно буквально наполняет энергетически человека, «развязывает силы для бытия» (М. М. Бахтин). Человек с научным сознанием имеет возможность играть контекстами, разрешать конфликт, помещая его в иную смысловую систему. Такой человек всегда помнит о возможности другой точки зрения, другой внутренней позиции, которая принципиально изменяет переживания и соматическое состояние. Измененная внутренняя позиция изменяет и смысловую систему, в которой симптом теряет свою функцию, он перестает владеть человеком и отмирает.

Итак, знаково-символическая опосредствованность, лежащая в основе возникновения высших психических функций, порождения значения и смысла, сознания человека, его свободы, перестраивает так называемые натуральные функции и процессы, может их усиливать и развивать необычайно, а может угнетать и полностью дезорганизовывать.

Все эти идеи, сформулированные в контексте культурно-исторической психологии, позволяют говорить о том, что психологическое средство (слово и прежде всего понятие) перестраивает не только психические процессы, но и переживания человека. При этом слово по отношению к частной функции выступает тем же самым, что и субъект по отношению ко всему разнообразию субъективности, т. е. и слово, и субъект – преобразующие факторы, превращающие натуральное в культурное, праксиз в поэзис. Субъект превращает какофонию эмоциональных реакций в симфонию переживания, имеющей свой сюжет и мелодию. Симфония переживаний (субъективность) имеет композитора (субъекта). Авторство жизни и переживаний – характеристика свободной личности, самостоятельно, осознанно и с воодушевленным усилием реализующей свой жизненный путь.

Живое сознающее существо как саморазвивающийся в культуре и средствами культуры феномен – вот образ человека, созданного культурно-исторической психологией. Вся практика обучения и оказания психологической

помощи получает ясность в связи с идеей о формировании в общении педагога и ученика, психолога и клиента, врача и пациента новообразования, имеющего развивающий характер. Не мозг является органом психики и ее нарушений, органом развития. Сознание – вот орган и мозга, и тела, и здравого развития человека. Различные средства, различные системы значений дают возможность по-разному строить свои взаимоотношения с миром (быть реактивным или проактивным, эмоциональным или переживающим, зависимым или свободным, объектом или субъектом). Жизненная необходимость, история жизни, социальная позиция востребуют использование человеком определенного культурного материала, определенной системы значений. Но в любом случае культура человека, сформированная образованием, должна быть избыточной по отношению к решению обыденных задач. Жизнь стремится к своей экспансии. Понятийное мышление – генеральный путь развития воображения, построения смысловой реальности (внутреннего мира), игрового переживания. Оно дает возможность не только понять и принять свою ограниченность (смертность), свой ужас, но и открывает возможности, дающие воодушевление человеку – свет и тепло его жизни. Выготский повторял, что человек всякую минуту полон неосуществившимися возможностями. Эти возможности «прочитываются» даже в его последних словах «Я готов».

Список использованных источников

1. *Завершнева, Е. Ю.* К публикации заметок Л. С. Выготского / Е. Ю. Завершнева // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 4. – С. 15–24.
2. *Выготский, Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 291–436.
3. *Выготский, Л. С.* Педология подростка / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 4. – С. 6–242.
4. *Жеребцов, С. Н.* Игровое переживание как характеристика свободной личности / С. Н. Жеребцов // *Vygotsky Studies*, 2016, Supplementary Volume № 4. – P. 99–100.
5. *Жеребцов, С. Н.* Содействие развитию личности: от игры с правилами – к игровому переживанию [Электронный ресурс] / С. Н. Жеребцов // *Фундаментальные и прикладные исследования в практиках ведущих научных школ.* – 2015. – № 4(1). – Режим доступа: fund-issled-intern.esrae.ru/12-186. – Дата доступа: 11.12.2015.
6. *Жеребцов, С. Н.* Способность к игровому переживанию как цель психологической помощи / С. Н. Жеребцов // *Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: социализация субъекта на разных этапах онтогенеза* [Электронный ресурс]: материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 21–22 мая 2015 г. / И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. – Электрон. дан. (22,7 Мб). – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 163–166.
7. *Сериков, А. В.* Способность к игровому переживанию как условие устойчивости личности к психосоматическим расстройствам / А. В. Сериков // *Культурно-историческая психология.* – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 118–126.
8. *Жеребцов, С. Н.* Переживание как превращение / С. Н. Жеребцов // *Культурно-историческая психология Л. С. Выготского и проблемы личности в современном мире: к 120-летию со дня рождения: сб. науч. ст. / редкол.: И. В. Сильченко (гл. ред.)*

[и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 218–226.

9. *Олифинович, Н. И.* Образ брачного партнёра в представлениях девушек / Н. И. Олифинович, М. Л. Белановская // Адукацыя і выхаванне. – 2012. – № 11. – С. 31–37.

10. *Олифинович, Н. И.* Динамика профессиональных представлений психологов о себе и о клиенте в контексте оказания психологической помощи студенческой молодежи / Н. И. Олифинович, Ю. М. Солодуха // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 78–87.

(Дата подачи: 31.01.2018 г.)

Е. М. Жогаль, В. И. Слепкова

Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, Минск

K. M. Zhohal, V. I. Slepko

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 316.6

СУПРУЖЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИТУАЦИЯХ ПРИНЯТИЯ СОВМЕСТНЫХ РЕШЕНИЙ CONJUGAL INTERACTION IN JOINT DECISION-MAKING

В статье раскрывается актуальность исследования проблемы супружеского взаимодействия в ситуациях принятия совместных решений. Представлена схема анализа взаимодействия супругов с различными уровнями личностной организации партнеров. Отражены результаты проведенного эмпирического исследования. Сделаны выводы о направленности и продуктивности супружеского взаимодействия в ситуации принятия совместных решений в парах с невротическим и пограничным уровнями личностной организации.

Ключевые слова: супружеское взаимодействие; процесс принятия совместных решений; уровни личностной организации.

The article reveals the relevance of problem study of conjugal interaction in joint decision-making. The scheme of interaction analysis of spouses with different levels of personality organization of partners is presented. The results of the empirical research are reflected. The conclusions about orientation and productivity of conjugal interaction in joint decision-making with partners of neurotic and borderline levels of personality organization are drawn.

Key words: conjugal interaction; joint decision-making; levels of personality organization.

Процессы, связанные с организацией и реализацией супругами совместной деятельности, занимают центральное место в структуре их взаимодействия и оказывают решающее влияние на супружеское благополучие, а в конечном итоге – на функционирование всей семьи. Наиболее ответственные решения в жизни семьи являются продуктом взаимодействия партнеров и возможны лишь при согласовании их совместных усилий. Умение взаимодействовать конструктивно в ситуациях, требующих учета как своих